

№

АНТРАКТЪ.

29.

Антрактъ выходитъ ежедневно, по воскресеньямъ. Цѣна годовому изданію (50 №№), съ доставкою на домъ, въ Москвѣ — 2 руб. сер.; полу годовому — 1 руб. 50 коп. сер.; на три мѣсяца — 1 руб. сер. Для подписчиковъ же на театральныя афиши цѣна годовому изданію — 1 руб. сер. Подписка отъ иногородныхъ принимается только годовая и за пересылку въ другіе города прилагивается 1 руб. 50 коп. сер. въ годъ (всего 3 руб. 50 коп. сер.). Срокъ подписки считается съ 1-го числа каждаго мѣсяца. Подписка принимается ежедневно отъ 9 часовъ утра до 5 часовъ вечера въ конторѣ типографіи ИМПЕРАТОРСКИХЪ Московскихъ театровъ (Ив. Ив. Смирнова), на Никольской улицѣ, въ домѣ графа Орлова-Давыдова, а во время спектаклей и въ книжной лавкѣ, въ Большомъ театрѣ.

Содержаніе: Сонъ, элегія *Не поэта*. — Грустное и трагическое, статья Ретшера. — Нѣсколько словъ о Гюго. Происшествіе съ Оффенбахомъ. — Листъ и Саламанка. — Смѣсь. (Жизнь за Царя на Чешскомъ театрѣ. (Патти.

С О Н Ъ.

(ЭЛЕГІЯ).

По ночамъ мнѣ все плохо такъ спится,
Не беретъ все меня утомонъ;
Чуть сомкну лишь глаза,—мнѣ приснится
Возпокойный какой нибудь сонъ,
И, встревоженный, я просыпаюсь,
Сердце бьется сильнѣй и больнѣй,
И напрасно заснуть я стараюсь
И мечусь на постели моей.
Снилось мнѣ: я хожу въ маскарадѣ
(Гдѣ трехъ разъ на яву не бывалъ).
Музыканты сидятъ на эстрадѣ,
Залитъ свѣтомъ огромнѣйшій залъ...
Но и скучно и тошно... Вдругъ маска
Позвала за собою меня.
Въ ея голосѣ слышалась ласка
А въ глазахъ было много огня.
Въ дальній уголъ блестящаго зала
Мы съ ней сѣли, и тихо она,
Меня за руку взявъ, мнѣ сказала:
«Я въ глазахъ твоихъ, вѣрно, смѣшна?»
«Но не смѣйся, прошу, надо мною
«И участія меня не лиши!»
«Я съ тобой подѣлюсь и тоскою,
«И болѣзнию разбитой души.
«Вотъ ужъ скоро опять театральныи
«Начинается новый сезонъ...»
— Отъ чего-жъ, перебилъ я, въ печальный,
Заунывный впадаешь ты тонъ?
Въ чемъ причина твоихъ злосключеній?
И болѣзни твоей въ чемъ секретъ?
— «Я театра московскаго геній!»
Прошентала мнѣ маска въ отвѣтъ.
«Если-бъ зналъ ты, какую боязнию
«Вся душа истомилась моя!
«Какъ преступникъ предъ близкою казною,
«Истрадалась, измучилась я.
«Ты подумай, чего-чего только
«Не должна я впередъ ожидать?
«Сколько ужасовъ, прелестей сколько
«Мнѣ придется опять увидать!
«Отовсюду за драмою драму

«Шлютъ опять на просмотръ въ комитетъ!
«И опять понакопится хламу,
«И опять оглушить трескъ ракетъ!
«Сцена много диковинъ наловить
«Въ бенефисныхъ опять попыхахъ.
«И Островскій опять изготавить.
«Вѣрно, хронику въ бѣлыхъ стихахъ:
«Рядъ трагедій кровавыхъ, свирѣпыхъ
«Также Писемскій кончитъ опять;
«Въ водевиличкахъ Зуппе нелѣпыхъ
«Снова будутъ актрисъ выставлять:
«И Дяченко запасецъ изрядный
«Вышлетъ драмъ своихъ новыхъ, какъ разъ;
«Выйдеть Грековъ, поэтикъ всеядный,
«Съ Жирарденомъ опять на показъ.
«Дебютанты различныхъ покровятъ
«Будутъ сцену опять попираютъ;
«И опять будетъ Вильде героевъ
«И любовниковъ первыхъ играть;
«И Лавровъ будетъ грозенъ до боли;
«И читать будетъ все на распѣвъ
«Точно также Таланова роли
«Разныхъ дамъ престарѣлыхъ и дѣвъ;
«Не по роли актрисы одѣты,
«Модной будутъ картинкой глядѣть;
«Будетъ Мухина снова куплеты
«И не въ тонъ, и безъ голоса пѣть;
«И Акимова будетъ жеманно
«Да въ припрыжку опять присѣдать,
«И Оедотовъ—моргать безпрестанно,
«И Оедотова—слезно рыдать;
«И актрисъ престарѣлыхъ вдругъ снова
«На передній повывставятъ планъ;
«Будетъ снова играть Колпакова
«И студентовъ, и разныхъ Діанъ;
«И опять на простомъ сарафанѣ
«Будетъ виденъ и бархатъ, и штофъ;
«И, по прежнему, будетъ въ канканѣ
«Упражняться не рѣдко Шмидгофъ;
«И Миленскій исполнить достойно
«Мужиковъ, злыхъ духовъ, королей;
«И Владыкинъ прочтетъ преспокойно
«Полтораэта пустѣйшихъ ролей...
«Въ русской оперѣ—тѣже герои!
«Не блеснетъ новымъ свѣтомъ заря!
«И пойдутъ все опять Громобои,

«Да съ урѣзками Жизнь за Царя;
 «И Мазепы живыя красоты
 «Будутъ снова идти на показъ;
 «И, пожалуй, опять Гугеноты
 «На одинъ возстановятся разъ;
 «И опять тѣ же крики и стоны,
 «И остатки былыхъ голосовъ...
 «Теноровъ возведутъ въ баритоны,
 «И полдюжины будетъ басовъ;
 «И опять изъ пѣвцовъ-исполиновъ
 «Все пропѣть будетъ каждый готовъ,
 «Даже Дмитріевъ и Константиновъ,
 «Радонежскій, Лавровъ и Сѣтовъ;
 «Вѣдь у всѣхъ у нихъ сильные груди;
 «Посмотрѣть, всѣ они молодцы
 «И, должно быть, премилые люди,
 «Незавидные только пѣвцы.
 «И въ балетахъ опять завертятся
 «Массы въ группахъ большихъ и рядахъ;
 «Танцы будутъ опять исполняться
 «На скамейкахъ, столахъ, зеркалахъ;
 «А, пожалуй, дождемся мы скоро
 «(Къ акробатству любовь такъ слѣпа),
 «Что танцоръ на плечахъ у танцора
 «Исполнять будетъ хитрое па...
 «Въ фелбетонахъ откроются щели
 «И опять (хоть тутъ крикомъ кричи)
 «Изъ нихъ выльзутъ всѣ *Азонали*
 «И неспосные всѣ *Москвичи*;
 «Будетъ такъ же ихъ хоръ интересенъ:
 «И въ разладъ запоютъ, и не въ тактъ;
 «И споетъ рядъ назойливыхъ пѣсень
 «Этотъ гадкій, противный *Антрактъ*...
 «Да и какъ передать тебѣ словомъ
 «Все, что станется, будетъ опять
 «И чего жду въ сезонѣ я новомъ?
 «Ты едва-ли все можешь понять?»
 Маска руку мнѣ крѣпко такъ сжала.
 Все въ ней было печали полно
 И изъ глазъ крупной каплей упала
 Вдругъ слеза на ея домино.
 — Что-жъ мнѣ дѣлать съ тобой, горемычной?
 Я сказалъ ей.— Слезу оботри
 И душою, къ страданьямъ привычной,
 Хладнокровнѣй на вещи смотри!
 Лучше, право, махни-ка рукою!
 Вѣдь твой плачъ—мнѣ знакомый, родной:
 Мы тоскуемъ одною тоскою
 И болѣемъ болѣзнью одной.
 Не избытъ вѣдь слезами намъ горя!
 Что искать то, чего не найдемъ!
 Посидимъ-ка пока мы у моря
 И погодки нной подождемъ.
 Вѣдь за горемъ и радость дается!...
 А во мнѣ тебѣ помощи нѣтъ.
 И теперь мнѣ жалѣть остается
 Объ одномъ лишь, что я —

Не поэтъ.

ГРУСТНОЕ И ТРАГИЧЕСКОЕ.

(Статья Рётшера *).

Когда прекрасную, подающую большія надежды дѣвушку похищаетъ какая нибудь повальная болѣзнь и лишаетъ такимъ образомъ ея семейство истинной радости и утѣшенія, когда какое нибудь землетрясеніе или наводненіе опустошаетъ и разрушаетъ цѣлые города, то это грустно, очень грустно, но не трагично. Но когда мужественная дѣвушка (какъ Антигона у Софокла), не смотря на запрещеніе, принимаетъ геройское рѣшеніе похоронить своего возлюбленного брата и исполняетъ это съ опасностью лишиться жизни, то это трагично. Что же слѣдуетъ изъ сказаннаго? Простое страданіе никогда не бываетъ трагично, какъ страданіе; для этого необходимо еще *нѣчто*, налагающее печать трагизма и это *нѣчто* заключается въ нравственной правотѣ. Намъ можетъ *трагически* тронуть только нравственно оправданное чувство, когда оно уничтожается борьбой и смертью, потому что наша душа обращаетъ все свое вниманіе только на то, что глубоко трогаетъ ее. Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что въ насъ долженъ возбуждаться нравственный и, вмѣстѣ съ тѣмъ, духовный интересъ тамъ, гдѣ въ искусство входитъ трагическій мотивъ. Простая невинность, какъ невинность, лежитъ внѣ трагизма, если она ощущаетъ страданіе, какъ простое страданіе. Вотъ почему невинность остается для трагедіи самымъ непроеизводительнымъ, самымъ плохимъ дѣятелемъ. Тотъ, кто выражаетъ нравственный элементъ, становится трагичнымъ только тогда, когда стремится провести его со всей энергіей духа и чувства и весь отдается ему. Такимъ образомъ, очень естественно, что отъ каждой трагически-трогающей насъ личности прежде всего потребуется энергія въ желаніяхъ и дѣйствіяхъ и что ничто такъ не противорѣчитъ трагизму, какъ слабость воли и шаткость помысловъ. Все трагическое непременно должно вступать въ борьбу съ другими силами, потому что трагическій паосъ всегда исключителенъ и стремится только къ тому, чтобы сдѣлать по своему. Все трагическое вступаетъ въ борьбу, такъ какъ оно не признаетъ и не можетъ признать никакого другого права, кромѣ права своего собственнаго паоса. Слѣдовательно, съ понятіемъ о трагическомъ такъ же неразлучно понятіе о нравственной правотѣ, какъ понятіе о виновности. Вообще, кто, не обращая ни на что вниманія, стремится къ какой нибудь цѣли, тотъ уже этимъ самымъ приходитъ въ соприкосновеніе съ другими силами, которыя тоже имѣютъ право на существованіе. Слѣдовательно, каждый трагическій паосъ вызываетъ непременно другой, съ которымъ онъ вступаетъ въ борьбу. Поэтому нельзя еще назвать трагичнымъ то, что любящая дѣвушка или влюбленный юноша не могутъ соединиться съ избраннымъ ими предметомъ; трагичною эта невозможность становится только тогда, когда влюбленнымъ приходится вступать въ

(*) Изъ «Dramat. Blaetter» 1865. IV.

борьбу съ другими силами, имѣющими одинаковое право на существованіе. Что Ромео и Юлія любятъ другъ друга и утопаютъ въ счастьи этой любви,— это еще вовсе не трагично. Трагичными становятся эти характеры только тогда, когда вступаютъ въ борьбу съ родительской волей, которая также находитъ себѣ оправданіе. Нашъ духъ возбуждается при видѣ того, какъ серьезно смотрятъ эти влюбленные на свою любовь, умирая другъ за друга. Только это налагаетъ на ихъ отношенія печать оправданія. Слѣдовательно, чѣмъ больше мы видимъ борьбы, въ которой въ равной степени проявляются, какъ виновность, такъ и правота, тѣмъ трагичнѣе становится для насъ судьба человѣка. Для трагедіи ничего не можетъ быть слабѣ чистой невинности, потому что она исключаетъ всякую борьбу и столкновенія. Чѣмъ нераздѣльнѣе являются оба элемента, чѣмъ труднѣе бываетъ отдѣлить ихъ, тѣмъ трагичнѣе становится возбуждаемый въ насъ эту борьбу интересъ. Слѣдовательно, все трагическое должно быть сопровождаемо извѣстной необходимостью; оно должно заставить насъ убѣдиться, что въ данномъ случаѣ нельзя было иначе чувствовать и дѣйствовать. Такимъ образомъ, все трагическое исключаетъ непремѣнно возможность всякаго другого исхода. Въ этомъ заключается его сила и его величіе. Если мы будемъ истинно тронуты трагическимъ пафосомъ, мы непремѣнно подчинимся кругу ощущеній и желаній, которые трогаютъ насъ, и наша душа совершенно удовлетворится развитіемъ этой трагической силы, потому что она заставитъ насъ сознаться въ необходимости случившагося. Все трагическое, вмѣстѣ съ тѣмъ, положительно исключаетъ произволъ; оно должно дѣйствовать на насъ, какъ естественная сила. Настоящее основаніе всего трагическаго есть свобода. Но эта свобода такъ соединяется въ трагедіи съ необходимостью, что исключаетъ всякое другое опредѣленіе. Поэтому, чѣмъ болѣе трагическая личность убѣждаетъ насъ, что ея ощущенія, мысли и желанія не могли быть другими, чѣмъ каковы они есть, тѣмъ яснѣе представляется намъ ея трагическій элементъ. Такъ, напр., Антигона Софокла является намъ такимъ высокимъ образцомъ трагизма именно потому, что заставлятъ насъ убѣдиться въ невозможности того, чтобы она могла чувствовать и дѣйствовать иначе, чѣмъ она дѣйствуетъ. Чѣмъ больше поэтъ, черезъ весь процессъ развитія своей трагедіи, заставлятъ насъ придти къ убѣжденію, что, при данныхъ обстоятельствахъ, нельзя было иначе чувствовать и поступать, тѣмъ болѣе трагедія его исполняетъ свое назначеніе.

Если какая нибудь трагическая личность не докажетъ намъ всѣми своими чувствами и помысленіями, что она должна была именно такъ чувствовать и дѣйствовать при данныхъ обстоятельствахъ, то она не можетъ истинно трагически тронуть и потрясти насъ. Это возможно только тогда, когда свободное существо повуждается высшей необходимостью дѣлать то, что оно дѣлаетъ. По этому мы не будемъ истинно трагически тронуты до тѣхъ поръ, пока въ насъ не перестанетъ возбуждаться вопросъ: почему извѣстное лицо чувствуетъ именно такъ, а не иначе?

Изъ сказаннаго выше слѣдуетъ, что все трагическое заключаетъ въ себѣ понятіе о страданіи; но не о такомъ, которое дѣйствуетъ на человѣка, какъ внѣшнее, случайное несчастье, а только о такомъ страданіи, которое обуславливается необходимостью. Очень естественно, что страданіе должно постоянно являться, какъ выраженіе вины, въ которую впасть человѣкъ. Внѣшнее, даже самое ужасное несчастье никогда не можетъ трагически подѣйствовать на насъ, потому что оно не происходитъ ни отъ свободного произвола, ни отъ характера личности. Въ этомъ отношеніи прежнія времена несколько не отличаются отъ настоящихъ.

Въ чемъ же найдемъ мы то примиряющее начало, которое является необходимымъ слѣдствіемъ всего трагическаго въ искусствѣ и, слѣдовательно, всякой истинно художественной трагедіи? Начало это заключается въ томъ, что изъ борьбы и столкновеній воздвигается постоянно понятіе о высшемъ единствѣ, которое успокоиваетъ насъ тѣмъ, что составляетъ результатъ предшествовавшихъ столкновеній. Поэтому истинное примиреніе въ трагедіи возможно только въ томъ случаѣ, если самая борьба и всѣ вызванныя ею противорѣчія—не случайности, но факты, прямо основанные на простомъ порядкѣ вещей.

Въ строгомъ смыслѣ, драма не можетъ имѣть больше одной катастрофы, потому что, какъ дѣйствующія лица, такъ и самое дѣйствіе, могутъ только одинъ разъ придти къ извѣстной развязкѣ. Искусство найти истинную катастрофу принадлежитъ, во всякомъ случаѣ, къ самымъ труднымъ задачамъ драматическихъ сочиненій. Катастрофа можетъ потрясти и убѣдить только тогда, когда ведетъ за собою доказательство необходимости; поэтому не рѣдко случается, что вообще талантливо написанное драматическое произведеніе, и именно трагедія, рушится отъ неправильнаго выбора катастрофы. Но, не смотря на внутреннюю необходимость катастрофы, она должна дѣйствовать на насъ, какъ свободный актъ, выведенный изъ данныхъ обстоятельствъ.

Намъ остается еще объяснить понятіе о примиреніи. Ни одно истинно-художественное произведеніе не мыслимо безъ этого понятія. Чѣмъ болѣе борьбы и противорѣчій представляетъ намъ художественное произведеніе, тѣмъ сильнѣе должно проявиться въ немъ начало примиряющее. Такимъ образомъ, примиреніе прежде всего необходимо для трагедіи. Но въ чемъ оно заключается? Во-первыхъ, въ томъ, чтобы все и всѣ получили свои права, т. е. чтобы все страдало и получало воздаяніе по заслугамъ. Какъ только всѣмъ и каждому постоянно будетъ воздаваться по дѣламъ его, то въ этомъ уже и будетъ заключаться истинное примиреніе. Истинное примиреніе обнаруживаетъ, въ то же время, и глубокую причину, почему все случилось такъ, а не иначе. Изъ сказаннаго слѣдуетъ уже, что примиреніе никогда не должно быть выражено въ отдѣльномъ, только въ концѣ пѣсы выступающемъ актѣ, потому что тогда оно всегда относилось бы къ художественному произведенію только съ внѣшней стороны, тогда какъ оно должно про-

являться постоянно результатомъ всего хода піесы. Когда мы видимъ въ піесѣ погибель виновныхъ, тогда истинное примиреніе для насъ заключается уже въ томъ, что они достигаютъ того, къ чему сами стремились своими дѣйствіями. Изъ этого слѣдуетъ, что въ примиреніи постоянно господствуетъ идеальное могущество, заключающееся въ погибели всего конечнаго и преходящаго. И такъ, постоянное свидѣтельство истиннаго примиренія заключается въ господствѣ идеальнаго могущества, происшедшаго изъ отрицанія конечнаго. Чистѣйшая форма, въ какой только можетъ проявиться примиреніе,—это нравственный порядокъ вещей. Но этотъ нравственный порядокъ является только тамъ, гдѣ разрѣшены и приведены къ единству всѣ разногласія. Всѣ великія художественныя произведенія всѣхъ временъ и народовъ сходятся въ томъ, что выражаютъ проявленія нравственнаго порядка вещей, который исключаетъ все случайное и произвольное. Наконецъ, каждое художественное произведеніе, каждая истинная трагедія развитіемъ своимъ всегда вполне разрѣшитъ всѣ загадки и отвѣтитъ на всѣ вопросы, возникающіе во время развитія ея дѣйствія и, слѣдовательно, зритель никогда не рѣшится задать въ концѣ ея вопросъ: почему все случилось именно такъ, а не иначе?

Съ нимъ. А. Д.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О ГЮГО.

— «Живетъ-же пасторъ своимъ приходомъ» говоритъ пословица. Вѣроятно, на этомъ основаніи и многіе изъ французскихъ писателей положили себѣ существовать на счетъ составленнаго имени и авторитета, которымъ пользуются въ публикѣ.

Значительнѣйшее произведеніе французской литературы за прошлый годъ это «Chansons des rues et des bois» Виктора Гюго. Рассказываютъ, что авторъ, не желая дешево доставить публикѣ наслажденіе своимъ произведеніемъ, продалъ право изданія его одному изъ извѣстныхъ парижскихъ книгопродавцевъ за 400,000 франковъ. Не съ разу, разумѣется, достигъ Гюго такого успѣха на литературномъ рынкѣ: было время, когда застѣнчивый и скромный молодой человѣкъ, съ сильнымъ смущеніемъ приносилъ свои труды къ книгопродавцамъ, а тѣ, жестокосердые, и знать его не хотѣли. Всѣмъ, вѣроятно, болѣе или менѣе, знакомъ его романъ, *Ганъ Исландецъ* подвинулъ его нѣсколько впередъ. Но вотъ появился въ свѣтъ романъ его «Notre Dame de Paris» и, получивъ за него громадную сумму въ 200,000 франковъ, Гюго самъ лучше понялъ съ той поры свой талантъ и выучился безошибочно перелagать его на звонкую монету. Вотъ нѣкоторые эпизоды его литературнаго торгашества.

Въ началѣ 1833 г. поставлена была на сцену драма Гюго—«Лукреція Борджія». По поводу этого приведемъ разговоръ знаменитаго автора съ г. Гарель, бывшимъ директоромъ театра Porte Saint Martin. Прежде всего Гюго потребовалъ за свою

піесу плату, равную той, которую выдаетъ только Théâtre français.

— «Согласенъ,»—сказалъ Гарель.

— Желалъ-бы я также, продолжалъ Гюго, чтобы за мою трехъактную драму вы заплатили мнѣ, какъ за пятиактную.

— «И на это согласенъ,»—былъ отвѣтъ Гареля.

— Чтобы партеръ на первыя три представленія былъ въ полномъ моемъ распоряженіи.

— «Пожа туй,»—отвѣчалъ директоръ.

— Требую также премію въ три тысячи франковъ за первое представленіе.

Гарель представилъ было нѣкоторыя затрудненія, но такъ какъ Гюго и слышать ничего не хотѣлъ, то несчастный директоръ долженъ былъ снова согласиться.

— Кромѣ того, я желалъ-бы... заговорилъ было авторъ *Лукреціи*

— «Какъ, еще условія!» воскликнулъ въ отчаяніи директоръ.

— Да, я желалъ-бы, чтобы въ продолженіи пятидесяти первыхъ представленій, вы выдавали мнѣ за каждый вечеръ по тысяче франковъ.

Тутъ долготерпѣливый Гарель вышелъ уже изъ себя.

— Любезнѣйшій г. Гюго, сказалъ онъ вы требовали мое платѣе, я отдалъ вамъ его; теперь вы тащите съ меня и рубашку.... согласитесь, не могу же я обойтись безъ нея.

Недавно появился новый романъ В. Гюго, «Les travailleurs de la mer», и былъ принятъ съ большимъ восторгомъ парижанами. Всѣ взоры и сердца вновь обратились на «Гернзейскаго отшельника». Подъ этимъ именемъ извѣстенъ теперь Гюго, потому что живетъ на одномъ изъ нормандскихъ острововъ—Гернзей, принадлежащемъ Англіи. Нѣсколько разъ, и съ мельчайшими подробностями, описанъ былъ какъ самый островъ этотъ, такъ и «Hauteville House»—жилище знаменитаго поэта. Поэтому мы не станемъ о немъ распространяться, а сообщимъ, что знаемъ, о занятіяхъ и образѣ жизни французскаго писателя.

Комната его—настоящая mansarde, или, выражаясь по русски, чердакъ. Полинялый диванъ служить ему постелью. Кабинетъ его представляетъ родъ бельведера, или, какъ говорятъ Англичане, «Look out». Нѣсколько старыхъ креселъ и огромная куча книгъ, разбросанныхъ въ безпорядкѣ, составляютъ все украшеніе этой комнаты, изъ которой на лѣстницу выходитъ узенькій корридоръ. Въ этомъ корридорѣ ищетъ спасенія Гюго отъ жгучихъ лучей солнца, которые просто накалываютъ его стеклянный кабинетъ. Съ восходомъ солнца встаетъ Гюго и принимается тотчасъ-же за работу. Работаетъ онъ всегда стоя; не найдя себѣ по вкусу почитра, Гюго замѣнилъ его грудой фоліантовъ, наваленныхъ кое-какъ на креслѣ и прикрытыхъ ковромъ. Пишетъ нашъ авторъ чрезвычайно неразборчиво, дѣлаетъ много помарокъ и иногда замѣняетъ мысль какимъ нибудь рисункомъ. Оканчивая дневную работу, онъ тщательно прячетъ и запираетъ свои гіероглифы, не говоря никому, что онъ сдѣлалъ въ теченіе дня. Когда романъ, повѣсть, драма или разсказъ совершенно уже окончены и переписаны тща-

тельно на бѣло, онъ читаетъ ихъ немногимъ избраннымъ и вслѣдъ за тѣмъ отсылаетъ въ Парижъ, не забывая болѣе о своемъ дѣтищѣ и увѣренный, что книгопродавцы пріютятъ его. Въ настоящее время занять онъ новымъ романомъ, обѣщающимъ весьма много и именующимся, какъ слышно: «1795 годъ» Гюго хочетъ выпускать его въ свѣтъ по частямъ, въ одномъ изъ періодическихъ изданій, но какой именно изъ журналовъ предназначается къ тому знаменитымъ писателемъ—еще никому не извѣстно.

ПРОИСШЕСТВІЕ СЪ ОФФЕНБАХОМЪ.

Кто не знаетъ Жака Оффенбаха, композитора, «Орфея въ аду», «Прекрасной Елены», «Синей Бороды» и другихъ многочисленныхъ, опереттъ мелодіи которыхъ быстро разошлись повсюду?

«Что вы думаете объ Оффенбахѣ?» спросили недавно одного знаменитаго музыканта.

«Онъ имѣетъ большой талантъ и огромный недостатокъ»,—отвѣчалъ послѣдній.

«Что это за недостатокъ?»

«Ему невозможно сдѣлать комплимента, потому что какъ только собираются ему сказать: «вы обладаете истиннымъ талантомъ», то уже онъ говоритъ: «Неправда, я обладаю гениемъ!»

Отъ этого самолюбія, съ артистомъ бываютъ иногда смѣшныя происшествія, какъ видно изъ слѣдующей исторіи.

Въ одномъ маленькомъ нассаускомъ мѣстечкѣ открывали памятникъ и весь округъ смотрѣлъ на это, какъ на праздникъ; вездѣ видны были развѣшавшіяся знамена и гирлянды, а народъ толпился въ праздничныхъ нарядахъ. Ожидали только еще главнаго чиновника правленія изъ Висбадена, который долженъ былъ, при открытіи памятника, говорить рѣчь и президировать на праздничномъ обѣдѣ. Пушки были готовы и артиллеристы ждали сигнала, чтобы привѣтствовать президента сотней выстрѣловъ, но президентъ не пріѣзжалъ. Послѣ двухъ часовъ нетерпѣливаго ожиданія, рѣшили наконецъ послать шестерыхъ депутатовъ въ Висбаденъ, чтобы привести съ триумфомъ президента. Такъ прошло еще три часа, однакожъ ни депутаты, ни президентъ не являлись; послѣ двѣнадцати часовъ пришла телеграфическая депеша, которая возвѣщала слѣдующее:

«Съ депутаціей случилась бѣда; пришлите денегъ на возвращеніе!»

Шестеро несчастныхъ нашли президента больнымъ въ постели, а для препровожденія времени и для испытанія своего счастья сѣли за карточный столъ, гдѣ все проиграли до послѣдняго гульдена.

Между тѣмъ восторженная толпа народа продолжала ожидать президента, хотя праздничный обѣдъ почти совсѣмъ простылъ. Наконецъ около семи часовъ вечера объявили возвращеніе депутатовъ, которые пріѣхали на пароходѣ безъ президента. Случай привелъ Оффенбаха ѣхать на этомъ же пароходѣ; въ ту самую минуту, какъ пароходъ остановился, музыка заиграла кадрили изъ *Орфея*. «Смо-

трите, смотрите! сказалъ Оффенбахъ, мнѣ готовятъ выстрѣлу».

Изъ толпы раздалось громогласное ура; шестеро посланниковъ старались объяснить, что президента съ ними вовсе нѣтъ; но подавленная утроемъ радость и одушевленіе толпы хотѣли войти въ свои права теперь, и восторженные крики не позволяли никому выговорить ни одного слова. Оффенбахъ былъ вполнѣ увѣренъ, что все ликованіе было по случаю его пріѣзда; онъ важно раскланялся на всѣ стороны, такъ что всѣ люди были убѣждены, что это былъ ожидаемый президентъ. Такимъ образомъ онъ вошелъ, сопровождаемый пушечными выстрѣлами и рукоплесканіями народа, вполнѣ довольный оказываемой ему признательностью. Отъ времени до времени слышалъ онъ возгласъ: «Да здравствуетъ г. президентъ! Ура!»

Тогда онъ впалъ въ минутное размышленіе и думалъ: «Отчего же они меня называютъ президентомъ?»

Но музыка, пушечный громъ, звонъ колоколовъ и оказываемая честь не позволяли ему далѣе размышлять. Огромное шествіе идетъ въ полномъ порядкѣ; всѣ окна освѣщены, впереди идутъ дѣвушки, всѣ въ бѣломъ, и сыплотъ цвѣты, потомъ идетъ бургомистръ съ своими чиновниками, за ними воспитанники съ своимъ учителемъ, а наконецъ шестеро депутатовъ и Жакъ Оффенбахъ. Вся же толпа, окружающая ихъ кричитъ изо всей силы: «Да здравствуетъ г. президентъ! Ура! Ура!»

Наконецъ шествіе останавливается около ратуши и Оффенбахъ произноситъ сильно тронутымъ голосомъ: «Мои любезные друзья, благодарю, тысячу разъ благодарю за вашъ радушный пріемъ!»

Вотъ показывается бургомистръ, подходитъ къ композитору и заводитъ краснорѣчивую рѣчь, въ которой онъ говоритъ о разнообразныхъ предметахъ и оканчиваетъ просьбой къ президенту походатайствовать, чтобы это мѣсто было всегда освѣщаемо газомъ. Тутъ только Оффенбахъ замѣчаетъ ясно свое заблужденіе; сильно разсерженный, онъ пошелъ далѣе, и въ то время, какъ чиновники, почетныя лица и шестеро посланниковъ отправились въ банкетный залъ, гдѣ ихъ ожидали разогрѣтыя кушанья, Оффенбахъ скрылся потихоньку и отправился въ Эмсъ.

ЛИСТЬ И САЛАМАНКА.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда Листъ былъ въ Испаніи и давалъ въ Мадридѣ блистательные концерты, спросилъ его однажды Саламанка, испанскій Ротшильдъ: «Ну, какъ вамъ у насъ нравится?»—«Не скажу, чтобы не нравилось», отвѣчалъ Листъ, но жаль, что сигары очень здѣсь дурны».

«Позвольте мнѣ объ этомъ позаботиться; я вамъ пришлю отличныхъ сигаръ».

Листъ ожидалъ исполненія этого обѣщанія, однакожъ день проходилъ за днемъ, а сигары не являлись. Банкиръ совершенно забылъ обѣщанное. Это очень обидѣло артиста. Въ день своего отъѣзда изъ Мадрида купилъ онъ пятьсотъ штукъ хорошихъ до-

рогихъ сигаръ, уложилъ ихъ въ богатоукрашенный ящикъ и, уже садясь въ карету, отослалъ ихъ банкиру, приложивъ карточку съ надписью р. р. с. (pour prendre congé). Онъ отправился на почтовыхъ лошадяхъ и уже былъ далеко, какъ услышалъ позади своей кареты раздавшееся: «стой!» Удивленный, посмотрѣлъ онъ назадъ, но это былъ не бандитъ, какъ онъ предполагалъ, а покрытый потомъ и пылью курьеръ, который задыхаясь произнесъ: «Я привезъ вамъ забытое вами въ Мадридѣ». При этомъ подалъ онъ Листу въ карету чемоданъ и усакала точно также скоро, какъ и пріѣхалъ. Удивленный Листъ открылъ чемоданъ и нашелъ тамъ огромный ящикъ палисандроваго дерева, выложенный серебромъ, въ которомъ заключалось десять тысячъ штукъ лучшихъ гаванскихъ сигаръ. Такимъ образомъ Саламанка поправилъ свою ошибку, съ царскою щедростью.

С М Ъ С Ъ.

— Въ чешскихъ газетахъ сообщаютъ, что пражскій купецъ, Грубый, бывшій нынѣшнею зимою въ Москвѣ, подарилъ чешскому театру цѣлую партитуру оперы Глинки: *Жизнь за царя*. Первое представление ея на чешскомъ театрѣ будетъ 20-го августа.

— Indépendance сообщаетъ нѣкоторыя подробности объ артистической карьерѣ знаменитой Аделины Патти, которая въ настоящее время имѣетъ ежегоднаго дохода среднимъ числомъ *шестьсотъ тысячъ франковъ*. Въ первый разъ Аделина Патти явилась передъ публикой въ Нью-Йоркѣ, восьми лѣтъ отъ роду; чтобы каждый могъ видѣть пѣвицу—ребенка, Аделину поставили на столъ, который помѣщался на эстрадѣ. Съ 13-ти до 16-ти лѣтъ она занималась изученіемъ оперы. Имѣя семнадцать лѣтъ отъ роду, она отлично знала 19 оперъ и въ Ноябрь 1859 года дебютировала на ньюйоркскомъ оперномъ театрѣ въ *Луги*; въ 1861 году на лондонскомъ театрѣ въ *Соллибулт*; а 17 ноября 1862 года на парижскомъ театрѣ въ той же оперѣ. Одинъ концертъ въ Лондонѣ доставилъ ей около 50,000 франковъ; между тѣмъ какъ знаменитой Гризи за цѣлый сезонъ никогда не платили болѣе 60,000 фр. Отъ одной только итальянской оперы она получаетъ въ одинъ сезонъ болѣе 400,000 фр. Аделина Патти, прибавляетъ Indépendance, нашла философскій камень, который такъ тщетно отыскивали ученые. Но странно, что, обладая такимъ талисманомъ, знаменитая пѣвица все болѣе и болѣе дѣлается корыстолюбивою. Директоры первыхъ европейскихъ театровъ приходятъ въ ужасъ отъ ея страшно стѣснительныхъ условий.

Ред. А. Баженовъ. За изд. Нв. Смирновъ. (Ред. на Молчановкѣ, въ Годенскомъ пер., въ д. Дурновой).

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ. ВЪ МАГАЗИНѢ ДАБО.

ПРИДВОРНЫЙ

ПОСТАВЩИКЪ.

На Кузнецкомъ мосту, въ д. Дабо,

О Б О И

разныхъ сортовъ, самыхъ новыхъ отъ 20 коп. за кусокъ и дороже; вновь получены клеенки для столовъ и половъ и шторы.

8—25.

**ВЪ ВОСКРЕСЕНЬЕ 31 ЮЛЯ
ВЪ ПЕТРОВСКОМЪ ПАРКѢ
ВЪ САДУ М. САКСА
ПОВТОРЕНІЕ ВЕНЬФИСА**

Г. БЛОНДЕНА.

ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНІЕ

ВЪ ДВУХЪ ОТДѢЛЕНІЯХЪ.

БОЛЬШАЯ БРИЛЛАНТОВАЯ ИЛЛЮМИНАЦІЯ,

УСТРОЕННАЯ АДОЛЬФОМЪ ШЕВАЛЬЕ.

НАЧАЛО ВОЕННОЙ МУЗЫКИ ВЪ 7 ЧАСОВЪ

ФЕЙЕРВЕРКИ

дѣтскіе, комнатные и разные садовые, также и бен-
галскій огонь въ ленточкахъ и коробочкахъ 4
цвѣта вмѣстѣ.

ГИМНАСТИКА

въ 10-ти разныхъ вещахъ для дѣтей и взрослыхъ
удобная для перевозки,

ФОНАРИ

для освѣщенія дачъ и садовъ отъ 5 к. и дор. раз-
ныя другія лѣтнія игрушки въ большомъ выборѣ.

ВЪ ДЕПО ИГРУШЕКЪ

ГУБКИИА,

въ началѣ Газетнаго переулка, противъ Корещенко.

1—282.

ВНОВЬ ПОЛУЧЕНЪ

САМЫЙ СВЕЖІЙ

ТАБАКЪ

фабрики **БОГАДИЦА** въ **Кіевѣ**

отъ 80 коп. до 1 р. 60 коп. за фунтъ

ВЪ МАГАЗИНѢ

ГОРОДЪ БРЕМЕНЬ,

въ Столешниковомъ переулкѣ.

0—287.

ВЪ СОКОЛЬНИКАХЪ ВЪ САДУ БРАУНА
 въ Понедѣльникъ, 1-го Августа,
ВЪ БЕНЕФИСЪ ЮСИФА БРАУНА,
ИМѢЕТЪ БЫТЬ
 БОЛЬШОЕ УВЕСЕЛИТЕЛЬНОЕ РАЗНООБРАЗНОЕ ГУЛЯНЬЕ
 И
МУЗЫКАЛЬНЫЙ ВЕЧЕРЪ
ВОЗРОЖДЕНІЕ САДА ЭРМИТАЖЪ
 (RENAISSANCE DU JARDIN DE L'HERMITAGE).

Въ первый разъ блистательная иллюминація всего сада; освѣщеніе главной площадки
 двумя электрическими СОЛНЦАМИ.

Огромный ФЕЙЕРВЕРКЪ въ нѣсколькихъ перемѣнахъ и финаль
 освѣтитъ весь садъ бенгальскимъ огнемъ.

ЦѢНА ЗА ВХОДЪ 1 РУБ СЕРЕБР. ДѢТИ МОЛОЖЕ 10 ЛѢТЪ ПЛАТЯТЪ
 ПОЛОВИНУ.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Е.

Имѣю честь объявить Гг. московскимъ и дачнымъ жителямъ, что
 недавно прибылъ въ Москву, на Ходынское поле въ лагерь, хоръ
 кларнетной музыки изъ 50 человекъ. Гг. желающихъ приглашать
 этотъ хоръ, прошу адресоваться ко мнѣ въ лагерь.

Капельмейстеръ Е. Ангелианинъ.